

УДК 398.22

ОТГОЛОСКИ МИФА О СОТВОРЕНИИ МИРА В КАРЕЛЬСКОЙ РУНЕ НА СЮЖЕТ «СОСТЯЗАНИЕ В ПЕНИИ»

М. В. Кундозерова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Рассматриваются космогонические аспекты, занимающие в руне на сюжет «Состязание в пении» лишь периферийное положение. Детальное изучение реплик состязающихся в могущественных знаниях героев приоткрывает некий пласт представлений о сотворении и обустройстве Вселенной, сформировавшихся в карельской этнокультурной традиции. Анализируются мотивы формирования рельефа морского дна, появления на небе звезд, созвездий, радуги/дуги, первых гор, небесных/воздушных столбов/столба, нескольких небесных ярусов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эпос, карельские руны, состязание в пении, космогонический миф, антропоморфный демиург, Вяйнямёйнен, Ёукахайнен, рельеф морского дна, небо, созвездия, небесный столб, небесные ярусы.

M. V. Kundozeroва. THE REFLECTIONS OF THE WORLD CREATION MYTH IN THE KARELIAN EPIC “THE SINGING MATCH”

This paper considers the cosmogonic features exhibited peripherally in the epic “The Singing Match”. In this epic, two heroes compete in knowledge and their dialogue brings to light a stratum of ideas about the creation of the world and the structuring of the universe in Karelian tradition. This paper analyzes motifs of shaping of the sea bed, staring the sky, the origins of constellations, the rainbow, the first mountains, the pillar(s) of the sky or air, and other features.

К e y w o r d s: epic, Karelian runo songs, “The Singing Match”, cosmogonic myth, anthropomorphic demiurge, Väinämöinen, Joukahainen, sea bed, sky, constellations, celestial pillar, celestial spheres.

Руна о состязании в пении бытовала у всех групп карелов, которых, согласно уже сложившейся в карельской фольклористике традиции, принято делить на беломорских (северных), олонекских (южных) и приладожских. Сюжет этой руны повествует о том, как повозки старого Вяйнямёйнена и юного Ёукахайнена (в вариантах могут фигурировать также другие герои) сталкиваются в пути. Между героями возникает ссора по поводу приоритета пользования дорогой. Не желая уступить, молодой Ёукахайнен

предлагает помериться знаниями: у кого их больше, тот и останется на дороге. Старый, умудренный опытом Вяйнямёйнен побеждает в поединке не просто превосходством в знаниях, но и своей колдовской силой: он заклинаниями погружает юного соперника в болото. В качестве выкупа Ёукахайнен обещает отдать свою сестру в жены старцу. Сюжет о состязании в магической силе носит универсальный характер. Он был использован Элиасом Лённротом в третьей главе полного издания «Калевалы».

Какими же знаниями обладал старый Вяйнямйнен и чем он превзошел своего соперника? Наиболее полноценные в художественном отношении тексты, преимущественно довоенной записи, сохранили сакральный диалог-соствязание, в котором раскрываются потаенные знания героев относительно происхождения некоторых элементов мироздания. Так, юный Ёукахайнен хвалится знаниями о том, что:

Tieän kolkot kuokituksi,
Kalahauat kaivetuksi,
Taivoset tähitetyksi,
Ilman pielet pistetyksi.

[SKVR I, 170: 12–15]

Тони выкопаны в море,
Вырыты для рыбы ямы,
К небесам прибиты звезды,
Небо держится столбами.

(перевод Э. С. Киуру [РНН. С. 40])

Вяйнямйнен называет эти знания «детским лепетом, бабьим знанием, но не мужа с боро­дою», ведь он лично участвовал в создании частей мира:

Omat on kolkot kuokkimani,
Taivoset tähittämäni,
Olin miessä kolmantena
Ilman pieltä pistämässä,
Ilman kaarta kantamassa,
Taivosta tähittämässä.

[SKVR I, 170: 19 – 24]

Сам копал я тони в море,
Небо звездами усеял,
Я был третьим человеком,
Кто опору неба ставил,
Радугу воздвиг на небе,
Небо звездами усеял.

(перевод Э. С. Киуру)

Если молодой Ёукахайнен просто констатирует акты первотворения, о которых он знает лишь понаслышке, то Вяйнямйнен оказывается именно творцом, демиургом, создавшим элементы мира. В этой ипостаси он недостижим, кто бы ни соревновался с ним в пении либо испытании магических сил и знаний.

Отметим, что не все тексты содержат диалог героев, в котором раскрываются архаичные космологические представления. Это объясняется угасанием традиции рунопевчества, выпадением из памяти исполнителей наиболее архаичных и малопонятных мотивов и, соответственно, фиксированием фрагментарных текстов. Например, в записях отечественных фольклористов второй половины XX в. большинство текстов по-

вествует о том, как повозки героев сталкиваются на дороге. Но несмотря на то, что один другому предлагает помериться знаниями, сакрального диалога не происходит, и Вяйнямйнен лишь «запеваает» Ёукахайнена в трясину по самые плечи. При подготовке данного исследования, таким образом, из всего массива текстов эпических песен было выявлено 48 севернокарельских вариантов (1820–1918, 1927–1948 гг.), один южнокарельский (1845 г.) и 15 приладожских (1838–1923 гг.) – всего 64 варианта. Все тексты выявлены в опубликованных источниках [SKVR I, SKVR II, SKVR VII, КС, КЭП].

Необходимо также отметить, что изучению руны о соствязании в пении были посвящены статьи, а также частные замечания в более крупных трудах филологов, отечественных и зарубежных, подходящих с разных позиций к объекту исследования [Krohn, 1903. S. 361–378; Kaukonen, 1956. S. 24–31; 1979. S. 52; Евсеев, 1957. С. 132, 142–143, 150, 199, 202, 244; Kuusi, 1959. S. 43–72; 1963. S. 254; 1980. S. 222; Kuusi и др., 1977. P. 525; Siikala, 2012. S. 242–244]. Образы Вяйнямйнена и Ёукахайнена одни исследователи относили к божествам воды и льда [Setälä, 1913], другие видели в этих персонажах состояжающихся шаманов [Haavio, 1950. S. 82–102; Мелетинский, 1963. С. 132–143.], и древней основой данной руны считался миф о соствязании шаманов в магическом пении [Евсеев, 1994. С. 458.]. Космогонический аспект руны, реконструируемый из диалога героев, оставался в исследованиях на втором плане. На современном этапе, с привлечением новых материалов, наработки предшественников нами существенно дополняются. На первый план изучения выносятся космологические воззрения народа, отразившиеся в руне о соствязании в пении.

В нашем исследовании объектом текстологического анализа станут реплики героев, раскрывающие их знания о сотворении элементов Вселенной. Это позволит выявить некий пласт древних представлений о создании либо устройстве мироздания.

В первую очередь, из воспоминаний Вяйнямйнена реконструируются представления о формировании рельефа морского дна. Герой говорит о том, что он выкопал рыбные ямы, тони (omat on kolkot kuokkimani/kalahauvat kaivamani), углубил глубины (syveret syventämäni). Наряду с тем, что были созданы глубины, появились также рифы/подводные скалы (luuvot on kokohe luotu). Подобный мотив встречается в беломорской руне о сотворении мира. Дрейфуя в воде, Вяйнямйнен формирует морской ландшафт: где боками касается, там берега созидает; где коленями

касается, там дно образуется; где ногтями дотрагивается, там скалы воздвигаются; где бородой проводит, там рифы сглаживаются [KKR 39: 56–65]. Согласно большинству вариантов, Вяйнямёйнен создает также рыбные тони, отмели, ямы, даже рыбные косяки. В разных вариантах упомянутые части дна появляются вследствие движения разных частей тела. Например, яма может образоваться при движении головы, ног; отмель – при движении бока, рук, груди, колен; тоня, часто лососевая, – при повороте боком, спиной, животом; риф образуется поднятием руки. Находясь в горизонтальном положении, Вяйнямёйнен создает тоню, в вертикальном (сидя или стоя) – рифы и каменные пороги.

Таким образом, Вяйнямёйнен, состязаясь в знаниях, говорит о своем участии в формировании рельефа морского дна, что реально подтверждается руной о сотворении мира. Как отмечал М. Кууси, данный мотив в руне о сотворении мира является прямым отголоском мифа, а руна о состязании в пении лишь указывает на тот же миф, что свидетельствует о ее более позднем происхождении [Kuusi, 1959. S. 63].

Далее Вяйнямёйнен вспоминает о том, как он вспахал море/моря (mie olin merta kyntämässä; omat meret kyntämäni), горы/риффы/камни в кучу собрал (voarat/vuoret luomani kokoho; luuvot on kokohe luotu; rantihä kokoihi), в единичном случае сделал борозды (sarkaojat saavomani). Мотив вспахивания моря характерен для приладожской традиции. Ближайший аналог этому мотиву находится в ижорской руне о состязании в пении:

Sanoi nuori Joukamoin [...]
 "Muissatka sitä ajaista,
 Ku meroja kynnettiin,
 Meroihin pohja poltettiin,
 Kivet luotiin kokkoon?"
 Sanoi vanha Väinämöin:
 "Miun meroi kyntämäin,
 Meroihin pohja kylvämäin,
 Kivet luomaan kokkoon,
 Aallot maalen airoimaan".

[КЭП 12: 14–24]

Молвил юный Йоукамойнен [...]
 «Помнишь ли такое время:
 Перепахивали море,
 Дно у моря выжигали,
 Камни в кучи собирали?»
 Отвечает старый Вяйно:
 «Море я перепахал,
 Засевал я дно морское,
 Камни в кучи собирал,
 Волны выгонял на берег».

(перевод Э. С. Киуру)

Мотив вспахивания и выжигания морского дна, собирания камней в кучу, вероятно, является уже более поздним привнесением, отразившим основы подсечного земледелия.

Справедливости ради надо отметить, что камни (kivet), собранные в кучу, встречаются лишь дважды [SKVR VII, 202: 11–13; VII, 156: 24–26]. В двух вариантах упоминаются каменные глыбы (louhet) [SKVR I, 178: 17–19; SKVR VII, 148: 78, 82].

В приладожской традиции воедино собираются рифы, причем в параллельном стихе фигурируют уже холмы [SKVR VII, 149: 26–28]. В беломорской традиции речь идет о горах [SKVR I, 187: 18–20] и холмах [SKVR I, 199: 105–107]. Иногда эти горы и холмы по законам синтаксической синонимии оказываются в параллельных стихах:

V[uoret] l[uomani] k[okoon],
 Mäet mulleroittama[ni].
 [SKVR I, 185a: 38–39]

Мною горы вместе сведены,
Холмы созданы.

(перевод мой. – М. К.)

Можно предположить, что мотив воздвижения в одну кучу камней, каменных глыб, рифов, гор и холмов, отождествляемых в мифологическом сознании между собой, отражают представления о создании Вяйнямёйненом первых горных вершин в противоположность первоизданному морским глубинам.

Из воспоминаний Вяйнямёйнена можно выделить также пласт представлений, связанных с небесной сферой. Они выявляются в эпической традиции всех групп карелов, хотя наиболее регулярно встречаются у беломорских. Согласно текстам, Вяйнямёйнен создает звезды на небе, а также в нескольких вариантах – созвездие Большой Медведицы. Например:

Taivoset tähyttämäni,
Ilman pilkat pistämäni,
Otavat ojentamani.

[SKVR I, 181: 8–10]

Я усыпал небеса звездами,
Установил воздушные пятна/точки,
Большую Медведицу поставил.

(перевод мой. – М. К.)

В мотиве осыпания неба звездами отчетливо проявляется отголосок мифа о сотворении частей мира, в том числе и звезд, из элементов мирового яйца под воздействием словесной магии героя. Иногда Вяйнямёйнен подмечает, что «правильно Большие Медведицы сделаны, звезды небесные – искусно» [SKVR I, 138: 36–37].

Упоминание луны/месяца и солнца встречается в олонцеком тексте и двух приладожских. Например, герой помнит то время, когда «месяц устанавливали, солнце на место определяли» [SKVR II 35: 11–12]. Или герой «месяц продвигал, солнцу помогал» [SKVR VII₁ 197: 4–5; VII₁ 148].

Далее, согласно исследуемым текстам, Вяйнямёйнен участвовал в установке небесной/воздушной дуги (taivan/taivon/ilman kaari; в переводе Э. С. Киуру – «радуги»), например:

Olin miessä kolmantena [...]
Ilman kaarta kantamassa.
[SKVR I₁ 170: 21, 23]

Я был третьим человеком,
[Из тех, кто. – М. К.] Радугу воздвиг
на небе.
(перевод Э. С. Киуру)

В одном из приладожских текстов воздушных дуг было несколько [SKVR VII₁ 148: 83]. Воздушная дуга/дуги (в переводе Э. Киуру – «своды неба») являются параллельным названием неба в эпизоде его выковывания кузнецом Илмариненом [SKVR I₁ 136: 9–11].

Честь создания небесных сводов либо дуг, как повествуется в руне о ковании неба, принадлежит кузнецу Илмаринену. Однако упоминание Вяйнямёйнена о воздвижении им дуги/радуги не противоречит общей логике эпической традиции, ведь он был там третьим/пятым/шестым/седьмым героем. Например:

Olin miessä 6:na,
7:nä urossa
Otavaa ojentaisa,
Taivon kaarta kantamassa.
[SKVR I₁ 189: 21–24]

Был я шестым человеком,
Седьмым героем,
Когда Большую Медведицу устанавливали,
Небесную дугу воздвигали.
(перевод мой. – М. К.)

Беломорские варианты руны о состязании в пении содержат мотив установки Вяйнямёйненом небесного столба, например:

Olin miekin miessä siellä, [...]
Kaarta taivon kantaissa,
Pieltä ilmon pistäissä.
[SKVR I₁ 185: 32–36]

Был и я там, когда
Дугу небесную приносили,
Столб воздушный устанавливали.
(перевод мой. – М. К.)

В большинстве вариантов воздушные столбы упоминаются во множественном числе, например:

Taivoset tähittämäni,
Ilman pielet pistämäni,
Otavat ojentamani.
[SKVR I₁ 182: 19–21]

Небеса я усыпал звездами,
Воздушные столбы установил,
Большие Медведицы протянул.
(перевод мой. – М. К.)

В мотиве установки воздушного столба/столбов, возможно, отражаются древние представления о существовании некоего мирового столпа, подпирающего небосвод. Представления о центральном столбе (либо нескольких), без которого все мироздание рухнет, реконструируются из мифологий разных народов, что отмечал Е. М. Мелетинский [Мелетинский, 2000. С. 215]. В одной из рун воздушный столб локализуется в *лупе небесном* [SKVR I₁ 85: 146–147], что согласуется с идеей центрального столпа Вселенной.

Обращает на себя внимание также появление в вариантах небес во множественном числе (см. пример выше). Безусловно, формы множественного числа могли появиться в соседних стихах в силу аналогии: небеса, столбы, Медведицы. Однако в поддержку гипотезы о множественности небес в мифологии карелов говорит заклинание о рождении огня, согласно которому огонь высекается на небе и затем спускается на землю сквозь несколько небесных ярусов, например:

Iski tulta Ilmorinen,
Välkähytti Väinämöinen
Yllä taivosen kaheksan,
Ilmalla yheksännellä.
Tuikahti tulikipuna
Läpi taivosen kaheksan,
Läpi kuuven kirjokannen.
[SKVR I₄ 281: 3–9]

Высек искру Илмаринен,
Выбил пламя Вяйнямёйнен
На восьмом высоком небе,
На девятом небосводе.
Искра малая метнулась
Через восемь небосводов,
Через шесть узорных крышек.
(перевод Э. С. Киуру)

Из текста видно, что небес могло быть шесть/восемь/девять, т. е. несколько. Представление о многоярусности небес в форме множественного числа, таким образом, могло косвенно отразиться в речах героев, состязающихся в скальных знаниях.

Рассмотрение диалога героев в руне о состязании в пении раскрывает некий пласт древних представлений, связанных с происхождением и устройством мироздания. Отчетливо проявляются отголоски мифа о сотворении мира, а именно о формировании рельефа морского дна, о появлении на небе звезд, созвездий, радуги/дуги. Кроме этого, в текстах встречаются, возможно, представления о появлении первых гор, небесных/воздушных столбов/столба, нескольких небесных ярусов. Большинство вариантов рун совмещают сразу несколько мотивов, чем подчеркивают масштабность творений демиурга – от самых водных глубин до горных вершин и небосвода.

Источники и литература

Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1957. Кн. 1. 334 с. 1960.

Евсеев В. Я. Комментарии // Карело-финский народный эпос: в 2 кн. / Сост., вступ. ст., пер., прим. В. Я. Евсеева. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. Кн. 2. 510 с.

Карельский сборник / Акад. наук СССР; ред.: А. И. Андреев, Д. А. Золотарев. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 106 с. (в тексте – КС).

Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с. (в тексте – КЭП).

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринт. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 1963. 462 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кундозерова Мария Владимировна

младший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: maria.vlasova@mail.ru
тел.: (8142) 781886

Рода нашего напевы: Избранные песни рунопевческого рода Перттуненов / Сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1985. 272 с. (в тексте – РНН).

Haavio M. Väinämöinen. Suomalaisten runojen keskushahmo. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1950. 335 s.

Karjalan kansan runot. Kokoonpannut V. Jevsejev. Tallinn: Eesti Raamat. 1976. I. 360 s. (в тексте – КKR).

Kaukonen V. Lönnrot ja Kalevala. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1979. 198 s.

Kaukonen V. Lönnrotin Kalevalan toinen painos. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1956. 635 s.

Krohn K. Kalevalan runojen historia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1903. 895 s.

Kuusi M. Kalevalaista kertomarunoutta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1980. 255 s.

Kuusi M. Suomalaisen luomistarun jäänteitä // Kalevalaseuran vuosikirja, 39. Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1959. S. 43–72.

Kuusi M. Sydänkalevalainen epiikka ja lyriikka // Suomen kirjallisuus. I. Kirjoittamaton kirjallisuus / toim. M. Kuusi, S. Konsala. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1963. S. 216–272.

Kuusi M., Bosley K., Branch M. Finnish Folk Poetry: Epic. An Anthology in Finnish and English. Helsinki: Finnish Literature Society, 1977. 607 p.

Setälä E. N. Väinämöinen ja Joukahainen. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1913. 86 s.

Siikala A.-L. Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 s.

Suomen kansan vanhat runot. I–XV. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1908–1997 (в тексте – SKVR).

Kundozeroва, Maria

Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaja St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: maria.vlasova@mail.ru
tel.: (8142) 781886